

Олег Ларионов

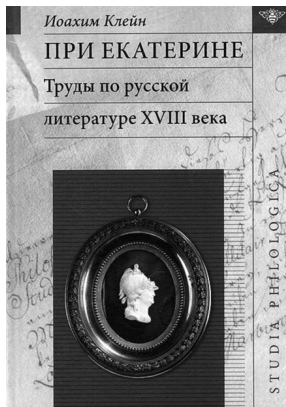
Русская литература эпохи Екатерины II между империей и гражданским обществом

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_342

Клейн И. При Екатерине: труды по русской литературе XVIII века.

М.: ЯСК, 2021. — 464 с. — 500 экз.

Книга одного из ведущих современных специалистов по русской литературе XVIII в. своим подзаголовком указывает на преемственность по отношению к сборнику статей исследователя полуторадесятилетней давности (см.: Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005). В самом деле, в новое издание вошло большинство написанных с тех пор работ ученого, отражающих определенный сдвиг его исследовательских установок: в фокусе внимания находится теперь только последняя треть столетия, эпоха правления Екатерины II, а историко-литературный анализ почти всегда дополняется более общей социальной и культурной контекстуализацией описываемых явлений.

Том открывается частью, посвященной творчеству Н.М. Карамзина. Собранные в ней четыре работы в совокупности предлагают одно из самых убедительных и многообещающих за последние годы прочтений сочинений и авторских стратегий писателя. В первой статье Клейн предлагает характеристику Карамзина в категориях социологии литературы. Если на протяжении всего XVIII в. дворянство наделяло безусловной ценностью государственную службу и чины, то Карамзин рано вышел в отставку, последовательно отстаивал идеал личной независимости и утверждал высшее значение поэзии и поэта, независимых от внеположенных им форм авторитета. Подобная самопрезентация в качестве профессионального писателя, однако, всту-

пала, по мнению исследователя, в противоречие с неразвитостью русского литературного рынка того времени: занятия словесностью не могли приносить Карамзину достаточного дохода. Необходимо отметить, что с момента первой публикации этой статьи появилась работа А.Л. Зорина и Е.С. Корчминой, в которой тщательно реконструируются экономические обстоятельства Карамзина и демонстрируется, что к началу XIX в. литературная деятельность приносила писателю прибыль, в разы превышавшую доходы, когда-то получаемые им от наследственного имения (см.: Korchmina E., Zorin A. Karamzin and Money // Cahiers du Monde russe. 2018. Vol. 59. № 1. P. 117–140). Таким образом, в этом случае выводы Клейна должны быть значительно дополнены и скорректированы.

В следующих двух статьях ученый продолжает очерчивать социальную и литературную позицию Карамзина на материале «Писем русского путешественника», на страницах которых зачастую подвергались переосмыслению или отвергались

многие фундаментальные принципы и представления дворянского общества XVIII в. Согласно Клейну, в своей книге писатель транслирует определенное «искусство жить», предлагает модель субъектности, свойствами которой оказываются развитая чувствительность, толерантная открытость разнообразию мира, гедонистическая обращенность к радостям жизни. Наделенный этими качествами карамзинский путешественник отправляется в Европу без каких-либо прагматических целей; его единственной задачей оказывается культивирование себя, которое, однако, приобретает общественно значение: ссылаясь на кантовское понимание Просвещения и его интерпретацию у Р. Козеллека, Клейн видит в апологии «сладостного досуга» частного человека симптом начавшегося в России конца XVIII в. размежевания государства и гражданского общества. Продолжая эту линию аргументации, во второй статье о «Письмах русского путешественника» ученый углубляет свое описание осуществляемой Карамзиным переоценки моральных и политических ценностей. «Петровскому этосу» государственной службы в книге противопоставляется апология семьи, дружбы и любви, независимой сферы частной жизни. Главный герой демонстрирует симпатию к другим народам и подчеркнутое миролюбие: славе завоевателей противопоставляется космополитический культ писателей и ученых, «великих мужей», относящихся к пространству публичной сферы, а не государства. В специальном экскурсе Клейн останавливается на отрицательном отношении молодого Карамзина к военным кампаниям Екатерины II. Последняя статья первой части посвящена «Цветку на гроб моего Агатона»: публично оплакивая смерть своего друга, Карамзин в очередной раз утверждает самостоятельную ценность и общественную значимость частного существования и прославляет дружбу, лежащую за пределами иерархических социальных отношений.

Следующая часть книги составлена из восьми работ о творчестве Г.Р. Державина, в которых Клейн стремится соединить пристальный анализ поэтики конкретных текстов, их рассмотрение в перспективе истории идей, а также социокультурную интерпретацию литературных и поведенческих стратегий писателя. Фокусируясь на вопросах соотношения фикционального письма и условий его создания и рецепции, в первых трех статьях ученый старается ухватить едва ли не важнейший нерв державинских сочинений: сложное сочетание поэтической традиции, следования жанровым канонам и социальным конвенциям, с автобиографизмом, претензией на искренность и независимость. Согласно Клейну, описанная самим Державиным переориентация собственного творчества с подражания Ломоносову на следование Горацию была связана с необходимостью обновить обветшавший канон панегирической поэзии через введение нового лирического субъекта с ярко выраженной биографической подсветкой. Развивая этот тезис, исследователь показывает, как в стихотворении «На умеренность» язык горацианской философской медитации осложняется актуальными сатирическими аллюзиями на вельмож, так что у поэта-мудреца обнаруживается «петровский этос честного чиновника» (с. 109), не боящегося выражать свои мнения в разговорах с императрицей. В следующей статье Клейн обращается к важнейшему для Державина и вообще литературы его времени вопросу о соотношении абстрактной поэтической похвалы, всегда рискующей быть приравненной к корыстолюбивой лести, конкретных обстоятельств придворной жизни и свойств императрицы, а также установки поэта на истину и искренность своей речи. Вокруг этих парадоксов панегирической поэзии во многом и выстраивалось авторское самосознание поэта. Остальные статьи части представляют собой разборы конкретных державинских текстов и их социокультурных контекстов. В «Гимне Кротости» поэт стремится, дистанцируясь от корыстных одописцев, прославить пришедшего на смену тираническому Павлу чувствительного Александра, феминизируя его образ через сращение с аллегорией кротости. В оде «На счастье»

поэт прибегает к античной топики, художественно оформляя перипетии своей служебной карьеры и надеясь поспособствовать ей своим талантом. В «Водопаде» природное явление, описываемое то языком барочных аллегорий, то преромантическими эстетическими понятиями, оказывается фоном для противопоставления двух типов вельмож и стоящих за ними способов приобретения славы и социального авторитета — расточительного Потемкина и более импонирующего Державину умеренного Румянцева. В раннем «Успокоенном неверии» инсценируется момент обретения веры и приводится аргументация, основанная на общих местах европейских споров о теодицее, а в позднем «Христе» поэт, напротив, отходит от идей эпохи Просвещения к традиционной православной сосредоточенности на образе Иисуса, заодно усложняя стиль библейскими цитатами, а также церковно-славянской лексикой и синтаксисом.

В третью часть книги вошла только одна статья, связывающая между собой предыдущие части. Обращаясь к соотношению службы и досуга в дворянской культуре XVIII в., Клейн показывает, каким образом свободное время, сфера праздности начинает приобретать автономное значение как пространство культивирования себя. В качестве примеров приводятся случаи Карамзина, отстаивавшего свою частную независимость от чинов; Державина, начавшего восхвалять горацианскую блаженную жизнь вдали от дел, болезненно уйдя со службы; а также И.И. Дмитриева, колебавшегося между писательской и чиновничьей карьерой. В этом последнем случае ученый, к сожалению, не учитывает работ М.Б. Велижева, посвященных как раз реконструкции «двойной идентичности» Дмитриева (см.: «Сенатор» vs. «Поэт»: (авто)биографическая мифология и литературная репутация И.И. Дмитриева // *Autobiografija: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. 2016. Т. 5. С. 117–150; И.И. Дмитриев и Вольтер. О механизмах формирования «двойной идентичности» литератора в начале XIX века // *Русская литература*. 2017. № 3. С. 170–183).

Четвертая и последняя часть сборника объединяет работы Клейна об окказиональной поэзии — литературных текстах, теснее всего связанных с социальными условиями своего появления, прямо участвующих в процессе воспроизводства общества. В России XVIII в. это были, во-первых, панегирические оды, чаще всего печатавшиеся отдельными изданиями по торжественным случаям и воспевавшие императоров и императриц. Поэт выступал здесь в восходящей к Античности роли «распределителя славы», даровавшего через свое слово земное бессмертие монарху, участвовавшему в его сакрализации и получавшему взамен известность, вознаграждения и успех. Исследователь показывает, как игравшие по этим правилам сочинители вынуждены были лавировать в условиях динамичной и непрозрачной политической жизни того времени, стремясь, порой безуспешно, предугадать программу царствования, не сделать какой-нибудь оплошности и при этом не быть обвиненными в лести и неискренности. Более общей рамкой для интерпретации описанных Клейном коллизий может послужить тщательная и глубокая реконструкция фундаментальной взаимосвязи между панегирической поэзией и абсолютизмом, предпринятая К.А. Осповатом (см.: Осповат К. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020). Вторую, тесно связанную с первой, группу окказиональных текстов образует военная лирика. Издание этих текстов было частью целого набора практик празднования и поминания бесчисленных военных кампаний Российской империи. Несмотря на общее единодушие, поэты артикулировали разные версии патриотизма и милитаризма: от безудержного экспансионизма до более умеренных, призывающих к миролюбию и справедливости настроений. В любом случае, впрочем, война оправдывалась, а противник, как правило, дегуманизировался. Третий

вид стихов на случай, анализируемых Клейном, — погребальная поэзия. Эволюция этого жанра, риторическая структура которого восходит к античному эпикейдону, в России XVIII в. отмечена постепенным сдвигом от оплакивания правителей и вельмож к поминанию родственников и друзей. Военская слава дополняется славой благотворителя или деятеля культуры, «петровский этос службы» сменяется интересом к частной жизни, приобретающей публичное значение. Завершается книга несколько неожиданным экскурсом в XVII в.: исследователь анализирует «Френы...» Симеона Полоцкого на смерть Марии Ильиничны, жены царя Алексея Михайловича, описывая композицию, барочный стиль и свойственный православию «эсхатологический оптимизм» (с. 400) этого сочинения.

Русская литература последней трети XVIII в. предстает в сборнике Клейна как претендующая на автономию и авторитетность культурная практика, сложно соотношенная с другими сферами общественной жизни, оказывающаяся пространством для артикуляции конфликтующих наборов ценностей и совершения разнонаправленных социальных действий, а также играющая одну из ключевых ролей в процессах размежевания государства и гражданского общества и выведения на свет публичности частной жизни. Задача дальнейших исследований — углублять, дополнять, более нюансированно и концептуально прописывать детали и общие рамки этой картины.